

# **ДЕЗЕРТИРЫ ЛЮБВИ**

## ДЕВОЧКА С ЯЩЕРКОЙ

### 1

Картина изображала девочку с ящеркой. Они и смотрели друг на друга, и не смотрели, девочка глядела на ящерку мечтательно, а у той глаза были невидящими, блестящими. Поскольку девочка витала в мечтах где-то далеко, она вела себя так тихо, что и ящерка замерла на обломке скалы, к которому полулежа прислонилась девочка. Ящерка застыла с поднятой головкой и высунутым длинным язычком.

Мать мальчика называла изображенную на картине девочку «евреечкой». Когда родители ссорились и отец вставал из-за стола, чтобы скрыться в кабинете, где висела картина, мать кричала ему вслед: «Иди-иди к своей евреечке!» — а иногда она спрашивала: «Разве этой картине с евреечкой тут место? Ведь мальчику приходится спать под ней». Картина висела над кушеткой, на которой мальчик спал после обеда, пока отец читал газеты.

Он не раз слышал, как отец внушал матери, что девочка на картине вовсе не еврейка. Дескать, алая бархатная шапочка, плотно надетая на пышные каштановые локоны, которые, выбиваясь наружу, делали шапочку едва заметной, — это отнюдь не религиозный, даже не фольклорный предмет гардероба, а всего лишь модный аксессуар. «Девочки носили тогда такие вещи. Кроме того, ермолку надевают у евреев мужчины, а не женщины».

На девочке была темно-красная юбка, поверх яркой желтой блузы было что-то вроде оранжевого корсажа, ленты которого завязывались на спине. Впрочем, в основном фигуру и одежду заслонял обломок скалы, на который девочка положила свои по-детски пухлые руки, уткнувшись в них подбородком. Ей было

лет восемь. Лицо выглядело вполне детским. Однако ее взгляд, пухлые губы, кудри на лбу и ниспадающие на плечи и спину волосы казались уже не детскими, а женственными. Тень от локонов на щеке и на виске скрывала некую тайну; пышный рукав, в котором исчезало голое предплечье, манил искушением. В море, которое за обломком скалы и узкой береговой полоской простиралось до самого горизонта, перекачивались тяжелые волны, лучи солнца, пробивавшиеся сквозь тучи, поблескивали на воде, светились на лице девочки, на ее руках. Природа дышала страстью.

Или, может, все было пронизано иронией? Страсть, искушение, тайна и женщина, пробуждающаяся в ребенке? Может, ирония и была повинна в том, что картина не только притягивала к себе мальчика, но и приводила его в замешательство? Он часто испытывал чувство замешательства. Это происходило, когда родители ссорились, когда мать задавала ехидные вопросы, а отец, читая газету и дымя сигарой, демонстрировал невозмутимость и превосходство, в то время как атмосфера в кабинете казалась настолько наэлектризованной, что мальчик не решался пошевелиться, даже почти не дышал. Его приводили в замешательство едкие реплики матери насчет евреечки. Да мальчик и не знал, что означает это слово.

## 2

Неожиданно мать прекратила разговоры о евреечке, а отец перестал пускать мальчика к себе в кабинет на послеобеденный сон. Какое-то время приходилось спать в собственной комнате, там же, где и ночью. Потом послеобеденный сон вообще отменился. Мальчик был рад этому. Ему исполнилось девять лет, его одноклассники и ровесники давно не спали после обеда.

Он скучал по девочке с ящеркой. Время от времени он прокрадывался в кабинет, чтобы взглянуть на картину и хоть недолго молчаливо поговорить с девочкой. За тот год он быстро вырос, сначала его глаза были на уровне тяжелой золотой рамы, потом на уровне обломка скалы на картине и наконец оказались на уровне глаз девочки.

Он был сильным мальчиком, крупным, широким в кости. Когда он вытянулся, то его неуклюжесть выглядела не столько трогательной, сколько, пожалуй, угрожающей. Ребята опасались его, даже те, кому он во время игры, соревнований или потасовок старался помочь. Он оставался аутсайдером. И сам признавал это. Правда, он не понимал, что остается аутсайдером из-за своей внешности, телосложения и силы. Он думал, что дело во внутреннем мире, с которым и в котором он жил. Он не разделял его ни с одним из приятелей. Впрочем, никого туда и не приглашал. Если бы он был ребенком нежного склада, то, возможно, сошелся бы с другими нежными детьми, друзьями и товарищами по совместным играм. Но как раз таких детей он отпугивал особенно сильно.

Его внутренний мир был населен не только персонажами, с которыми он знакомился по книгам, по фильмам или картинкам, но и персонажами из внешнего, реального мира, приобретавшими, однако, иной вид. Он чувствовал, как за тем, что является внешним мир, скрывается еще нечто, что не проявляется вовне. Так, учительница по музыке что-то утаивала, приветливость домашнего доктора была искусственной, а соседский мальчик, с которым он иногда играл, был неискренен — он чувствовал все это задолго до того, как узнал о склонности соседского мальчишки к воровству, о болезни учительницы и о пристрастии врача к мальчикам. То сокровенное, что не являло себя, он чувствовал не сильнее и не раньше других. Он не пытался и проникнуть в это сокровенное. Он предпочитал фантазировать, поскольку фантазии всегда оказывались ярче, волнительнее, чем действительность.

Дистанция между его внутренним миром и внешним соответствовала дистанции, которая, по ощущениям мальчика, существовала между его семьей и другими людьми. При этом отец его, будучи судьей в городском суде, стоял, как говорится, обеими ногами на земле. Мальчик видел, что отца радуют солидность его должности и знаки уважения, отец с удовольствием ходил в ресторан — постоянное место встречи авторитетных в городе людей, ему нравилось иметь определенное влияние на городскую политику, он согласился на избрание себя пресвитером в церковной общине. Родители участвовали в общественной жизни

города. Они ходили на летний бал и на карнавалы торжества, устраивали обеды и принимали приглашения на обед. День рождения мальчика отмечался, как положено: на пятый день рождения пригласили пятерых гостей, на шестой — шестерых и так далее. И вообще все происходило так, как это считалось принятым в пятидесятые годы, с должной церемонностью и дистанцированностью. Но эта церемонность и дистанцированность вовсе не походили на то, что ощущал мальчик в качестве дистанции между своей семьей и другими людьми. Скорее, дело было в том, что родители, казалось, также что-то утаивали. Они всегда оставались начеку. Когда кто-либо рассказывал анекдот, они смеялись не сразу, а выжидали, как отреагируют остальные. На концерте или в театре начинали аплодировать лишь тогда, когда раздавались общие аплодисменты. В разговоре с гостями они воздерживались от высказывания собственного мнения, ждали, пока не будет произнесено близкое суждение, и лишь потом присоединялись к нему. Иногда отцу все-таки приходилось занимать определенную позицию и говорить об этом. Тогда он выглядел весьма напряженным.

А может, отец просто проявлял тактичность и не хотел никому ничего навязывать? Мальчик задался этим вопросом, когда стал постарше и мог более осознанно воспринимать осмотрительность своих родителей. Он спрашивал себя и о том, почему родители с такой настойчивостью заботятся об отдельности своей спальни. Доступ в спальню родителей был ему запрещен, даже когда он был совсем маленьким, ему не разрешалось заходить туда. Правда, родители никогда не запирали дверь спальни. Впрочем, хватало недвусмысленности запрета и незыблемости родительского авторитета — по крайней мере, до тех пор, пока однажды мальчик, которому к этому времени исполнилось тринадцать лет, не воспользовался отсутствием родителей и не заглянул в дверь, чтобы увидеть две отдельно стоящие кровати, две ночные тумбочки, два стула, деревянный шкаф и металлический шкафчик. Может, родители хотели скрыть, что не спали в одной постели? Или стремились воспитать в нем уважение к приватной сфере? Во всяком случае, они и сами никогда не заходили в его комнату без стука и приглашения войти.

## 3

Заходить в отцовский кабинет мальчику не запрещалось. Хотя там висела таинственная картина с девочкой и ящеркой.

В третьем классе гимназии учитель задал домашнее сочинение, в котором следовало описать какую-нибудь картину. Выбор картины отдавался на собственное усмотрение. «А надо принести с собой картину, которая будет описана?» — спросил один из учеников. Учитель качнул головой: «Картину надо описать так, чтобы каждый читающий сочинение увидел ее перед собой». Мальчику сразу было ясно, что он будет описывать картину с девочкой и ящерицей. Он даже обрадовался такой возможности. Ведь предстояло внимательно изучить картину, а потом перевести изображение в слова и фразы, с помощью которых следовало воспроизвести картину для учителя и одноклассников. Радовался он и возможности посидеть в отцовском кабинете. Его окна выходили в узкий дворик, дневной свет и уличный шум были приглушенными, стенные стеллажи заставлены книгами, витал терпкий дух сигарет.

Отец не пришел к обеду домой, поэтому мать сразу же отправилась в город. Мальчику даже не пришлось спрашивать разрешения, он попросту уселся в кабинете, принялся рассматривать картину и писать. «На картине видно море, кусок берега, дюну и обломок скалы, а на ней девочку с ящеркой». Нет, учитель говорил, что начинать надо с переднего плана, перейти к среднему плану, а потом к заднему. «На переднем плане изображена девочка с ящеркой на обломке скалы или на дюне, дальше идет берег, а позади виднеется море». А это действительно море? И волны? Только волны бегут не от среднего плана в глубину, а из глубины к среднему плану. К тому же «средний план» звучит ужасно, хотя «передний» или «задний план» не лучше. А девочка? Разве это все, что можно сказать о ней?

Мальчик начал заново. «На картине изображена девочка. Она видит ящерку». Но и это было не все, что можно было сказать о девочке. Мальчик продолжил: «У девочки бледное лицо и бледные руки, каштановые волосы, на ней светлая блузка и темная юбка». Но и этого показалось мало. Он сделал еще од-

ну попытку. «Девочка смотрит на ящерку, которая греется на солнышке». Разве это верно? Скорее, девочка смотрит не на ящерку, а поверх или даже сквозь нее. Мальчик помедлил. Потом решился. За первой фразой последовала вторая: «Девочка очень красива». Фраза получилась верной, а вместе с ней начало получаться и все остальное.

«Девочка смотрит на ящерку, которая греется на солнышке. Девочка очень красива. У нее тонкое лицо, гладкий лоб, прямой нос, а на верхней губе впадинка. У нее карие глаза и каштановые волосы. Хорошо видна только ее голова, но все остальное не так важно. А именно ящерица, скала или дюна, берег и море».

Теперь мальчик был доволен. Нужно только разобраться с передним, средним и задним планом. Особенную гордость вызывало выражение «а именно». Звучало элегантно и по-взрослому. Гордился он и тем, что назвал девочку красивой.

Он остался на месте, когда услышал, как отец открывает входную дверь. Слышно было, как отец ставит портфель, снимает и вешает пальто, заглядывает на кухню и в гостиную, стучится в детскую.

— Я здесь, — крикнул мальчик, он ровно положил черновые листы на свою тетрадь, рядом легла авторучка. Так обычно размещались на отцовском рабочем столе папки с документами, бумага и письменные принадлежности. — Я сел сюда, потому что нам задали сочинение с описанием картины, вот я и описываю картину. — Он выпалил свое объяснение, едва дверь кабинета открылась.

Отцу понадобилось некоторое время.

— Какую картину? Чем ты занимаешься?

Пришлось повторить объяснение. По отцовской позе, по его взгляду на картину, по морщинам на лбу мальчик сообразил, что сделал что-то не так.

— Тебя ведь не было дома, и я подумал...

— Ты... — Голос отца прозвучал сдавленно, мальчик даже съежился, решив, что сейчас на него накричат. Но отец удержался. Покачав головой, он сел на вращающееся кресло между письменным столом и столиком, где обычно раскладывались папки с судебными делами и за которым с другой стороны си-

дел мальчик. Картина висела позади отца над письменным столом. Расположиться прямо за письменным столом мальчик не решился. — Не считаешь ли, что сочинил?

Мальчик начал читать, гордясь и робея одновременно.

— Весьма недурно, мой мальчик. Я прямо-таки вижу картину перед собой. Только... — он помедлил, — это не предназначено для посторонних. Лучше тебе описать другую картину.

Мальчик был рад, что отец не накричал на него, заговорил так ласково и доверительно, поэтому был готов согласиться с чем угодно. И все-таки недоумение было слишком сильным.

— А почему эта картина не предназначается для посторонних?

— Разве ты не сохраняешь некоторые вещи для себя? Разве ты всем делишься с друзьями и тебе всегда необходимо их присутствие? Люди могут позавидовать, поэтому не стоит показывать им свои сокровища. Их либо расстроит, что у них нет того, чем обладаешь ты, либо в них проснется жадность и они захотят отнять у тебя то, что им не принадлежит.

— А разве эта картина — сокровище?

— Сам знаешь. Ведь ты замечательно описал ее, так говорят только о сокровищах.

— Она такая дорогая, что другие могут позавидовать?

Отец повернулся, взглянул на картину.

— Да, весьма дорогая. Не уверен, что сумел бы ее уберечь, если бы кто-либо позарился на нее. Поэтому лучше, чтобы никто не знал, что она у нас есть, ладно?

Мальчик кивнул.

— Давай-ка посмотрим альбом с репродукциями, ты наверняка найдешь что-нибудь подходящее.

#### 4

Когда мальчику исполнилось четырнадцать лет, отец ушел с судейской должности, получив место в страховой компании. Мальчик чувствовал, что это получилось против желания отца, хотя тот никогда не жаловался. Не стал отец и вдаваться в объяснения. Лишь годы спустя мальчик узнал причину. Тогда им при-

шлось сменить прежнюю служебную квартиру на более скромную. Вместо бельэтажа в принадлежащем городу пятиэтажном здании вильгельминского стиля они теперь снимали одну из двадцати четырех квартир в типовом доме, построенном на окраине в рамках социальной жилищной программы. Четыре комнаты были маленькими, потолки низкими, из соседних квартир постоянно доносились шумы и запахи. Зато комнат было все-таки четыре — гостиная, спальня, детская, а отец сумел сохранить кабинет. Он уединялся там по вечерам, хотя больше не приносил с собой на дом работу.

— Пить ты можешь и в гостиной, — сказала однажды вечером мать, — к тому же и пить, может, станешь меньше, если сообразишься перекинуться со мной хоть парой слов.

Изменилось и общение родителей с другими людьми. Прекратились званые обеды, вечера для дам или мужчин, когда мальчику приходилось принимать гостей у дверей, чтобы вешать их пальто в гардероб. Он скучал по тому настроению, которое воцарялось в доме, когда в гостиной накрывался стол с сервизом из белого фарфора и серебряными канделябрами, а родители, заканчивая поправлять фужеры, пепельницы и коробки с сигарами или тарелочки с печеньем, ожидали первых звонков. Он скучал по некоторым из прежних знакомых родителей. Иногда они расспрашивали его об успехах в школе или о других занятиях и даже вспоминали при следующих визитах, что именно он отвечал им в прошлый раз. Один хирург показывал ему операцию на плюшевом мишке, а геолог рассказывал об извержениях вулканов, землетрясениях и странствующих дюнах. Особенно скучал он по одной даме. Она отличалась от худощавой, нервной, суетливой матери своей дородностью и жизнерадостным добродушием. Когда он был совсем маленьким, она закутывала его своей шубой, у которой скользкая и блестящая шелковая подкладка пахла ее духами. Потом она дразнила его мнимым сердечеством, которого за ним никогда не водилось, отчего он смущался, испытывая одновременно некую гордость; порой она играючи накрывала его полой шубы, и он на миг чувствовал мягкость и тепло женского тела.

Минуло довольно много времени, прежде чем появились новые гости. Это были соседи, коллеги отца по страховой компа-

нии или сотрудницы матери, которая теперь работала машинисткой в полицейском управлении. Мальчик замечал неуверенность в поведении родителей, которым хотелось освоиться в новом для них мире, не отрекаясь от старого; отсюда либо излишняя чопорность, либо чрезмерная фамильярность.

Мальчику тоже пришлось прилаживаться к иным условиям. Родители перевели его из прежней гимназии, которая находилась в нескольких шагах от старой квартиры, в новую, которая опять-таки располагалась поблизости от дома. Нравы в новом классе были поглубже, так что он уже не особенно выделялся среди остальных. Еще целый год он продолжал ходить к преподавательнице, которая давала уроки игры на пианино. Но потом родители сочли его музыкальные успехи ничтожными, уроки закончились, пианино было продано. А он дорожил велосипедными поездками на уроки музыки, поскольку проезжал не только мимо старой квартиры, но и мимо соседнего дома, где жила девочка, с которой он раньше иногда играл или ходил вместе по дороге в гимназию. У нее были густые рыжие волосы до плеч, веснушчатое лицо. Возле ее дома он притормаживал, надеясь, что она выйдет из подъезда, поздоровается, а он вызовется пройти с ней, поведет велосипед рядом, само собой получится, что они договорятся о следующей встрече. Даже не договорятся, а просто он узнает, где и когда она будет, и окажется там же. Он был еще слишком юн, чтобы назначать свидание.

Но увидеть ее во время велосипедных поездок ему не удавалось.

## 5

Неверно полагать, будто человек принимает жизненно важные решения, лишь будучи достаточно взрослым. Ребенок способен на столь же решительный шаг, определяющий его поступки и образ жизни. Конечно, ребенок не вечно придерживается однажды принятого решения, но ведь взрослые также отказываются от данных себе зарок.

Через год мальчик решил добиться к себе уважения в новом классе и в своем окружении. Это было не трудно, помогла сила,

а кроме того, ум и находчивость, поэтому вскоре он занял место среди лидеров в той иерархии, которая существовала в его классе, основываясь, как и в любом другом классе, на зыбкой смеси разных качеств вроде силы, дерзости, бойкости на язык, а также состоятельности родителей. Такие имели вес и у девочек, правда не в своей школе, где девочек не было, а в женской гимназии, которая находилась неподалеку.

Мальчик ни в кого не влюблялся. Он просто выбирал себе девочку, которая пользовалась бы авторитетом, имела бы броскую внешность, бойкий язычок, репутацию труднодоступной, но опытной в отношениях с мальчиками. Он импонировал ей своей силой, уважением сверстников, а также тем, что вроде было у него что-то такое, чего она не могла получить у других, хотя желала этого. Он чувствовал это и порой давал понять, что обладает неким сокровищем, которое показывает далеко не каждому, однако, может, согласится показать ей, если... Если что? Если она будет гулять с ним? Целоваться? Спать? Он и сам точно не знал. Прилюдное ухаживание, которое делало ее все более и более податливой, было интереснее, азартнее, обещало больше, чем то, что происходило наедине. Пройтись с приятелями после уроков к женской гимназии, где, прислонившись к чугунной ограде, стояла она с подружками, положить ей руку на плечи, будто это само собой разумеется, или посылать ей воздушный поцелуй, болея за ее команду, когда девочки играли в гандбол, или прогуливаться с ней по пляжу, обращая на себя восхищенное внимание.

Первый же раз, когда они спали, обернулся для него катастрофой. У нее было достаточно опыта, чтобы иметь определенные ожидания, но все-таки не достаточно, чтобы помочь ему справиться с неловкостью. А у него не было той уверенности, которую придает влюбленность и которая скрашивает неловкость первого раза. Когда после закрытия купальни и обхода, сделанного сторожем, они прильнули за кустами друг к другу, ему вдруг все показалось фальшивым — поцелуи, ласки, желание. Все было не так. словно предавалось все то, что он любил сейчас или раньше, — ему вспомнилась мать, ее подруга с шубой, соседская девочка с рыжими вихрами и веснушками, девочка с ящеркой.

Когда все оказалось позади — неуклюжесть в обращении с презервативом, его слишком быстрый оргазм, неумелые, а ей даже неприятные попытки удовлетворить ее рукой, он прижался к ней, ища утешения за свой провал. Но она поднялась, оделась и ушла. Он остался лежать, съездившись, уставившись на ветви куста, под которым лежал на прошлогодней листве, на свое белье, на сетчатую ограду. Он оставался лежать, хотя замерз; ему почудилось, что надо промерзнуть, чтобы забыть их плачевное свидание, тщеславные ухаживания нескольких месяцев, как, наоборот, бывает нужно пропотеть, чтобы избавиться от простуды. В конце концов он встал и проплыл несколько кругов в большом бассейне.

Когда за полночь он вернулся домой, дверь в освещенный отцовский кабинет была открыта. Отец лежал на кушетке, храпел, от него разило перегаром. Одна из книжных полок свалилась, ящики письменного стола были вытащены и опустошены, на полу валялись книги и листы бумаги. Удостоверившись, что картина цела, мальчик выключил свет и закрыл за собой дверь.

## 6

Перед самым окончанием школы, когда, по существу, оставалось только ждать выдачи аттестата с оценками, он поехал в соседний крупный город. Предстояло ехать на поезде около полутора часов; за все эти годы он мог побывать там в театре, на выставке или на концерте, однако ни разу не сделал этого. Лишь однажды родители взяли его, маленького мальчика, с собой, чтобы показать тамошние церкви, ратушу, здание суда и большой парк в центре города. После переезда на новую квартиру родители вообще прекратили подобные экскурсии как с ним, так и без него, а возможность отправиться куда-либо одному ему поначалу как-то не приходила в голову. Позднее такая возможность стала ему уже не по карману. Отец лишился должности из-за пристрастия к алкоголю, мальчику пришлось параллельно с учебой в школе подрабатывать, а деньги отдавать матери. Только теперь, когда в связи с окончанием школы пришла пора

настраиваться на скорый отъезд из города, он приготовился внутренне к тому, что родители останутся предоставленными самим себе, поэтому решил тратить заработанные деньги по собственному усмотрению.

Он не искал музей современного искусства, а оказался поблизости случайно. В музей зашел, поскольку здание его поразило причудливой смесью архитектурных стилей: современная простота, с одной стороны, холодная мрачность — с другой, и все это сочеталось с китчем затейливых дверей и эркеров. Экспозиция отличалась широким диапазоном — от импрессионистов до «новых диких»; он осмотрел ее с должным вниманием, хотя и без особого интереса. Пока не увидел картину Рене Дальмана.

Картина называлась «На берегу», она изображала обломок скалы, песчаный берег и море, на камне делала стойку на руках девочка, обнаженная и красивая, одна ее нога была деревянной, не из дерева, а обычная стройная ножка, только с древесным узором. Нет, в этой стоящей на руках девочке он не узнал девочку с ящеркой, не мог он и сказать с уверенностью, что здесь изображались тот же обломок скалы, тот же берег, то же море. Однако все слишком напоминало полотно, висевшее дома, поэтому на выходе он купил почтовую открытку с картиной, а будь у него больше денег, купил бы и альбом о творчестве Рене Дальмана. Сравнив дома картину с открыткой, он обнаружил существенные различия. Однако было и что-то, что их объединяло, — только оставалось непонятным, чем это объяснялось, сходством изображения или восприятием.

— Что там у тебя? — Войдя в комнату, отец потянулся к открытке.

Мальчик отшатнулся, отцовская рука ушла в пустоту.

— Кто написал картину?

Взгляд отца сделался настороженным. Он был пьян, и в глазах его появилась та же настороженность, с какой он реагировал на открытую неприязнь и презрение, которые демонстрировали пьяному жена и сын. Бояться его они давно уже перестали.

— Не знаю, а в чем дело?

— Почему мы не продаем картину, если она такая ценная?

— Не продаем? Мы не можем ее продать! — Отец встал перед картиной, словно защищая ее от сына.

— Почему не можем?

— Тогда у нас ничего больше не будет. И тебе ничего не достанется после меня. Мы для тебя ее бережем, для тебя. — Обрадовавшись аргументу, который должен был убедить сына, отец повторял его снова и снова: — Мы с матерью пластаемся, чтобы сохранить картину, которая потом тебе достанется. А что я вижу от тебя взамен? Неблагодарность, одну неблагодарность.

Отец всхлипнул, мальчик ушел и вскоре забыл этот эпизод, картину из музея и Рене Дальмана. Он работал на складе тракторного завода, к тому же подрабатывал еще и официантом, это продолжалось, пока не начались университетские занятия, а университет он нарочно выбрал как можно дальше от дома. Город на Балтийском побережье был непригляден, университет считался средним, зато здесь ничто не напоминало о родном южном городе, и уже в первые недели учебы он с удовлетворением отметил, что ни на лекциях юридического факультета, ни в университетских коридорах, ни в студенческой столовой не встречает знакомых лиц. Можно было все начать заново.

Сюда он ехал с пересадкой. Выдалось несколько часов, чтобы прогуляться по городу на берегу реки. Опять-таки случайно он оказался возле музея. Но здесь он уже не стал полагаться на случай, а сразу же спросил, где висят картины Рене Дальмана, и нашел два полотна. Одна картина, полтора метра на два, называлась «Послевоенный порядок»; она изображала женщину, которая сидела со склоненной головой, подобрав под себя ноги и опираясь на левую руку. Правой рукой она задвигала ящик в собственный пах, в животе и груди тоже были ящики, ручки которых имели вид сосков или пупка. Ящики на груди и животе были наполовину выдвинуты и пусты, а в ящике, который торчал из паха, лежал наискось искалеченный мертвый солдат. Другая картина называлась «Автопортрет в образе женщины»; это был поясной портрет смеющегося молодого человека с лысым черепом, под наглухо застегнутой черной курткой проступали груди, левой рукой он держал парик с русыми волосами.

На этот раз он купил монографию о Рене Дальмане и прочитал в поездке о детских и юношеских годах художника, родившегося в Страсбурге в 1884 году. Его родителями были переехав-

ший из Лейпцига продавец текстильных товаров и уроженка Эльзаса, которая была моложе мужа на двадцать лет; они хотели девочку, поскольку уже имели двоих сыновей, а третий ребенок, девочка, умерла два года назад от воспаления легких, которое подхватила на зимней прогулке, куда ее взял отец. Рене рос как бы в тени своей умершей сестры, пока в 1902 году не родилась желанная вторая дочь, что принесло ему одновременно и освобождение, и обиду. Он рано занялся рисунком и живописью, успехами в школе не отличался, в шестнадцать лет хорошо сдал экзамены в Академию художеств города Карлсруэ.

Совершив переезд в университет, он снял квартирку — мансарду с угольной печкой и небольшим оконцем, туалет и умывальник находились пролетом ниже в коридоре. Зато здесь он был предоставлен самому себе. Он разложил вещи, монографию о Рене Дальмане поставил на нижнюю полку вместе с привезенными любимыми книгами. Верхняя полка предназначалась для новых книг, для новой жизни. Он не оставил дома ничего, что было ему дорого.

## 7

Когда он учился на третьем курсе, умер отец. Однажды, как это теперь часто бывало, отец пошел в пивную, там напился, по дороге домой споткнулся, упал под откос, не смог подняться и замерз. За все эти годы после отъезда он впервые вернулся домой — на похороны. Стоял январь, холодный ветер обжигал, лужи на дорожке от кладбищенской часовни до могилы заледенели, мать поскользнулась, едва не упала, поэтому сын взял ее под руку, на что раньше она не соглашалась. Она не могла простить ему столь долгого отсутствия.

Дома она предложила нескольким соседям, которые ходили на кладбище, бутерброды и чай. Заметив, что гости ожидают спиртного, встала:

— Кому не нравится, что я не подаю пиво или шнапс, может уходить. В этой квартире и без того было выпито слишком много.